

я чувствую в себе русскую кровь

Адриенна Пьечонка — Газете

Адриенна Пьечонка: «Я очень возбудимый и чувствительный человек. Глаза на мокром месте — спокойно могу разреваться, когда смотрю телевизор»

Благодаря удивительно красивому сопрано и выразительной актерской игре Адриенна Пьечонка в роли Елизаветы стала одной из главных звезд гергиевского «Дон Карлоса» в Зальцбурге. Уже сейчас имя канадской певицы значится в афишах большинства знаменитых европейских театров, и, вероятно, совсем скоро о ней заговорят так же громко, как о Рене Флеминг или Деборе Войт. С Адриенной Пьечонкой встретился в Зальцбурге корреспондент Газеты Илья Кухаренко.

Насколько я знаю, это был ваш дебют в Зальцбурге. Каковы ощущения?
Конечно, я счастлива, что имела успех, что многое получилось так, как того хотелось. Но, честно признаюсь, я немного волновалась: поскольку маэстро Гергиев появился довольно поздно, оставалось мало времени на оркестровые репетиции, а я никогда до того не пела эту партию на сцене, то есть это был и мой оперный дебют в Зальцбурге (до того я уже пела здесь в концертах), и дебют в этой партии.

Что ж, вдвойне поздравляю. Кстати, я слышал, как Гергиев вас очень хвалил после спектакля ...
Спасибо, я очень рада это слышать, а то... Он, конечно, замечательный дирижер, и петь с ним — счастье, но ведь он никогда ничего не говорит о том, нравится ему или не нравится. (Смеется.)

Канаду нельзя назвать великой оперной державой. Что привело вас на оперные подмостки?
Я родилась в небольшом городке Берлингтон недалеко от Торонто. В двенадцать или тринадцать лет играла на фортепиано и, признаться, страшно это дело не любила. И вот в один прекрасный момент у меня обнаружился голос, и я с удовольствием перешла в класс вокала. Только в те времена я совершенно не думала об опере, скорее представляла себя драматической актрисой с голосом или в мюзикле...

В каком именно?
Ну, мне тогда нравились My Fair Lady, South Pacific — классические варианты. Но как-то постепенно я стала присматриваться и прислушиваться к опере и позже захотела стать оперной певицей. Я выиграла несколько канадских конкурсов и получила ангажемент в опере Торонто — дебютировала, кстати, в «Леди Макбет Мценского уезда», пела небольшую партию заключенной.

Как же потом оказались в Вене?
Передо мной встал довольно непростой выбор: или остаться в Торонто и продолжать петь крошечные партии, но зато быть рядом с друзьями и родителями, или уехать в Европу. И я рискнула и выбрала Вену. Там я продолжила учебу у Веры Росжа — замечательного венгерского педагога, у которой, кстати, училась Кири Те Канава. Тогда же мне предложили двухгодичный ангажемент венская Volksoper. Признаюсь, для двадцатипятилетней девушки оказаться в по-немецки, было тягостно, но потом как-то все образовалось. Меня пригласила венская Staatsoper, я постепенно выучила языки, стала работать с большими дирижера-

ми, певцами, режиссерами, и это ощущение потерянности прошло.

Вы начинали с Татьяны, а сейчас поете и Лизу в «Пиковой даме». По-русски уже говорите?

Пока нет, но буду обязательно. Я совершенно влюблена в эту музыку и в этот язык и уже пою на нем (вот недавно пела «Пиковую» вместе с Доминго, который меня совершенно поразил в Германе), но пока по-русски не говорю. У меня вообще много славянских корней: фамилия Pieczonka польская, но на этом языке никто из моих родных в Канаде тоже не говорит, а надо бы выучить. Еще: один из моих дедов родился в Киеве — сейчас это Украина, я знаю, но в те-то времена была еще Россия, так что есть во мне и русская кровь. Я, надо сказать, ее очень чувствую, во мне есть эта меланхолия, это ощущение одиночества и тоски.

Я слышал вас не только в «Дон Карлосе», но также в «Фальстафе» и «Арабелле» в Мюнхене — в партиях, где больше легкого и даже комичного. Что вам приятнее петь — драматические роли или более светлые?

Конечно, драматические. Когда я пою эту финальную арию Елизаветы — Tu, che la vanità, — со мной что-то происходит. Я люблю Тоску, Аиду. Во мне и в жизни есть это начало: я очень возбудимый и чувствительный человек. Глаза на мокром месте — спокойно могу разреваться, когда смотрю телевизор или книжку читаю. Сейчас, кстати, буду дебютировать еще в одной драматической партии — буду петь Зиглинду сначала в Торонто в первом канадском «Кольце нибелунга», а потом мне предстоит дебют в той же партии в Байройте.

Подождите, не в том ли новом «Кольце», что будет там ставить Ларс фон Триер? Да, именно в нем.

И каковы ожидания? Вы видели какие-то его фильмы?

Да, конечно, видела практически все. Это замечательные работы, но он каждый раз заставляет женщину неимоверно страдать. Это почти жестокость. Надеюсь, что моей Зиглинде будет не так плохо, как его героиням в «Танцующей в темноте» или в «Рассекая волны». (Смеется.)

У вас такой тип голоса, с которым еще лет двадцать назад можно было бы вполне обрести статус вердиевской дивы. Сейчас же стать дивой сложно в принципе, а уж вердиевской или белиниевской и подавно — бал правят режиссеры. Не жалеете?

Я понимаю, о чем вы... Да, конечно, когда певцы просто выходили к рампе и пели, это многие считали скучным. Появились все эти переодевания, сложные мизансцены. Сейчас мы все должны быть актерами: много двигаться, владеть мимикой. Но вот я часто задумываюсь, разве Кабалье или Тебальди были скучными? Они столько могли выразить голосом, что ничего уже больше было не надо. Потому для себя я всегда стараюсь сохранить какой-то баланс между пением и актерством, всегда забочусь о красоте звучания, о выразительности и своде моего голоса. Я все-таки прежде всего певица.